

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Из абхазского дневника. 13—20 августа 1992 г.

... Зачем зря ломать голову, придумывая заголовок для грустных дневниковых записок из “абхазского плена-92”? Лев Толстой не побоялся же обвинения в “плагиате” у Александра Сергеевича! Все равно лучше и точнее не придумать.

Плен, правда, это чересчур: боевики шеварднадзевского нукера Кетовани до Пицунды, куда меня угораздило приехать в командировку за два дня до грузинского вторжения в Абхазию, так и не дошли — застряли в Сухуми (откуда потом еле ноги унесли). Но Москве в войну не верилось, и Ю. В. Бондарев направил меня, своего “начштаба”, в четырнадцатизэтажный Дом творчества, чтобы отвоевать, отстоять хотя бы часть его (хотя бы ежегодную квоту на путевки!) для российских писателей у окончательно “осепаратившихся” бывших друзей. И не грузин, а абхазов.

В первый же день по прибытии дозвонился до Сухуми и договорился о встрече в СП. “Ждем; приезжайте”. Да вот только встретиться нам так и не удалось...

Ощущение абсолютной ненужности этой моей поездки все усиливалось — вплоть до того момента, когда абхазское ТВ сообщило о начале грузинского вторжения. На следующий день прервалась всякая связь с внешним миром: телевизионная, телефонная, замолчало радио. Мышеловка захлопнулась.

* * *

13 АВГУСТА

Какое море, как я его люблю! Бархатно-ласковое, нежное, теплое — но и оно не снимает сверлящего мозг вопроса: а на кой нам она, эта Пицунда, когда уже практически все потеряно — и в Прибалтике, и на Украине, и в Армении, и на Иссык-Куле — везде-везде! В лучшем случае светит договор о квоте для “россиян” — неважно, что Москва (то есть Союз) всё сама финансировала и строила. Наступила эпоха “суверенной приватизации”: земля теперь абхазская, так что “Гани Маскву атсуда!” (Услышал эту реплику на пляже — не стесняются, нарочно “па-русски” оскорбляют. “Чемодал-вокзал-Россия”: даже абхазы, подумать только...)

Ну, а на пляже кто? Ни одной знакомой физиономии. Пис. дочки, пис. жены (это — из злоязыкой Юнны Мориц) греют свои телеса под палящим южным

солнцем. И ради этой самодовольной, сытой дворяноподобной кодлы я должен упираться, спорить, выдумывать компромиссные ходы?!

Стоп. Прекращаю запись. Володя Огнев приближается. Хоть один знакомец¹... Хоть один, какой-никакой, писатель.

14 АВГУСТА

Безделье (особенно вынужденное) – наихудшее из занятий. Чувствую физически: кругом полная глухота. Как в танке с выключенным мотором. Это политика “выключила”, оглушила, как поленом по голове.

А Огнев! Хорош “либеральный гусь”: оказывается, это имперская Россия пожинает плоды своей многолетней жестокости в отношении малых народов! Россия у них всегда и во всем виновата. Софистика негодяев.

... Пообещал мне (клятвоенно!) дачу в Переделкине. Изгнанный весной из Внукова, я даже на минутку потеплел к Володе. Ох, уж этот быт – угнетатель и совратитель...

Только врет, наверное, Огнев². Своих-то желающих тьма-тьмушная. Так что “имперцам” и русакам – не светит.

15 АВГУСТА

Роскошное море, пусть ненадолго, примиряет с гнусной реальностью. И снова накатывает удушливое ощущение беспомощности, потерянности, никому ненужности. Пилия, замдиректора Дома, вчера вечером как бы между прочим сказал мне, что совсем недавно у него три недели (!) гостил Валера Поволяев, председатель нашего Российского Литфонда, мой заклятый друг.

– Хот бы раз встретился с каллэктивом, – осуждающе протянул Пилия и строго воззрился на меня: куда, дескать, вы, начальство, смотрите? Знал бы он, какое я и над кем “начальство”...

Вчера же, от нечего делать, заглянул в бар, знакомый мне с 1980 года, когда я, новоиспеченный директор “Современника”, изредка пропускал здесь по рюмочке-другой коньяку со старшим Стругацким. Большой был любитель выпить. Но – не поговорить. Во всяком случае, я тогда ни разу его не растормошил. Молча, по-европейски приподнимем рюмки, обменяемся малозаметными улыбками – и опять молчим.

Так что же когда-то доступный бар? Бокал шампанского – 70 руб. (то есть бутылка – 300!), пиво – 100 руб.³ А у меня командировочные – на полбутылки шампанского в сутки! Mein Gott, я всю жизнь гордился (хоть и не хвастался) своею **честной** бедностью, близкой к достатку, – а теперь это чувство сменилось щемящей нотой **постыдности**, презренности, униженности. Цепляюсь за каждый рубль, их всё меньше, а ведь надо еще как-то до Москвы добраться. Как?

... А они, члены пис. семей, хохочут, ныряют, мячики гоняют. Племя **чужое**, незнакомое. Оказывается, тут и дочка огневская со своей дочкой. А писателей-то нетути – и это в самый дефицитно-престижный сезон!

... Спрятался в тень. Солнце палит немилосердно. Пробежал по пляжу к морю, обратно – и ступни обжег, словно их, как кофейную турку, сунули в раскаленный песок. Ашхабад сразу вспомнился, веселые луконинские денечки. Миша тогда угощал нас и кофе, и собственной непечатной (и, естественно, никому не ведомой) поэмой о приключениях лейтенанта Луконина в госпитале, куда герой попал после легкого ранения на фронте. Шестнадцать уж лет, как Миши нет...

16 АВГУСТА

Рядом с нашим Домом – заброшенная стройка. На покосившемся грязном планшете крупно по-русски: “Пансионат семейного отдыха Госплана Грузинской ССР”. И ниже – цифры: 1985–1989. Потрясающий образ разрушительной “горбостройки” (чуть переставь буквы – и получится гробостройка...): разор, запустение, зияющие провалы окон, бессильно повисшие руки башенных кранов. Прямо по-достоевски: мерзость запустения...

¹ Владимир Фёдорович Огнев долгие годы был председателем Литфонда СССР, потом – Международного Литфонда.

² И вправду соврал. Никакой дачи, даже во Внукове, вплоть до осени 1998 г., я не получил.

³ Это – цены 1992 года.

Вчера банды Кетовани ворвались в Сухуми. Идут уличные бои, как в Великую войну. Как в стародавние времена, новости приходят молвой, от человека к человеку. Сухуми – недалеко...

Море (подумать только – даже оно!) начинает надоедать. Закрываю глаза, а оно себе чавкает, хлопает, хрюкает, хрумкает, сухо хрустит леденцами прибрежной гальки. Наверно, про леденцы – это краснота, хотя, честно, очень похоже!

... У директора Дома Гугуши (может быть, он Гугушиа, но и абхазы зовут его Гугуша!) – транзистор, и Эдику из Тбилиси не под силу его заглушить. Узнаю вчера вечером: “Москва осуждает вторжение в Абхазию”. Ни звука – о поддержке. Мы – над схваткой, мы – миролюбивы а la кот Леопольд (особенно Козырев, господин “Да”). Взволновало сообщение об общероссийской забастовке авиадиспетчеров. Получают до 40 тыс. руб., а требуют удвоения зарплаты! Между тем летчик-испытатель оценен гайдаровской властью всего в 5 тысяч, а опытный авиаинженер в 2,5 тысячи руб. Что уж тут говорить о секретаре правления СП с несчастными полутора тысячами... Пусть бастуют, денег всегда и всем мало – но дайте мне, ради Бога, сперва вырваться из мышловки и улететь в Москву! Глупый возглас. Тут поглупеешь...

17 АВГУСТА

Сегодня в очередной горячий полдень сидел в негустой полутени на широкой скамейке и читал от нечего делать “Ремесло сатаны”. Прелестная старомодная вещица в духе наших беллетристов средней руки – от И. Шевцова и выше. Читал – и наслаждался сухим шорохом прибрежного тростника, легким морским ветерком – ну прямо “тростниковый рай”, а не замершая в ожидании оккупантов Пицунда...

Жара становится всё невыносимее. И “райское” блаженное настроение растворилось, развеялось, как мираж в пустыне. Рай – это состояние души, яркая вспышка, миг счастья. Миг – единица его измерения; и сколько бы ни было их в жизни, все равно они только миги, тут же сметаемые, как мелочь со стола, суровой рукой быстротекущего времени. (Боже, опять неуклюжие красоты; так и тянет, так и тянет в пропасть графомании.)

Год за годом одолевающие меня сомнения, творческая робость сметают и миги дерзких замыслов. Сомнение, похоже, стало доминантой моего поведения. “Подвергай все сомнению”. Ну и что же в итоге? Душа, лишенная отваги, беспомощное перо, утратившее уверенность почерка. Да, графомания – это тупик самообмана, вплоть до безумия. Но в этой бесспорности таится и слабостное самооправдание: лучше никак, чем хуже других. А может быть, все-таки – пусть и похуже, чем никак?!

18 АВГУСТА

Словно в продолжение вчерашних раздумий о “мигах счастья” и долгих сроках сомнения (мать трусости!) – целая пригоршня противных мелочей, принесенных (вместо овощей и фруктов) с Пицундского рынка. Война войной, но “рынок – это святое”. Именно он, в который раз, напомнил мне о внутренней, неразрывной связи таких слабостей и грехов человеческих, как стеснительность – и мелочность, нерешительность – и скупость, непомерность желаний – и скудость доброты... Тут, в паутине вынужденного безделья, придумалось мне новое, почти философское определение – “консуморей”. “Консум” – потребление; “рея” – недержание (или мочи, или словес). А что? И вправду от безмерности плотских желаний, столкнувшейся с ничтожным объемом возможностей, и возникают стычки страстей, доводящих человека до скотства и тяжких психозов. Вспомнились лондонские “страсти-мордасти” при виде бесконечных типов и сортов одежды, обуви, машин, не говоря уж о продуктах. Консуморей, одним словом. Или, как тогда пришло в голову, “синдром изобилия”. Тяжелее похмельного. И какая уж тут “честная бедность”... Именно этим и купили “совков” демократы. Знали, гады, какие кнопки нужно нажимать.

18-е, ВЕЧЕР

Ничего неясно: когда и как выскользну из капкана. Придут ли боевики? Сегодня на рынке встретил абхазов-ополченцев: суровые небритые лица, “калаши” через плечо, рожки с автоматными патронами, щедро обмотанные изо-

лентой. К вечеру ближе по-над берегом, тревожно жужжа, летал темно-зеленый боевой вертолет. Война “близ, при дверях”, шансы выбраться близки к нулю.

Любимец “лучшего немца”, “новомышленец” Эдди заявляет: мы-де не вторгаемся в Абхазию, а восстанавливаем конституционный порядок и ставим на место распоясавшихся сепаратистов. “О мерзость, мерзость, мерзость...”

Разговорился с поляком Войтехом. Он из Варшавы. Поразительно чистый русский говор. Учился в Москве; однако “наши”, философские поляки объяснялись по-русски гораздо хуже и забавнее. (Вацек Бонашук: “Один, как божий палец”, “ничего”, “прэчь” вместо “прочь” и т. д.). Радостно поддержал мой разговор о родине Николая Коперника Мальборке – он, оказывается, родом из тех краев. Но повернуть разговор к более актуальным темам мне не удалось. Замкнулся пан, посмурнел. А может, это я повинен, не сумел раскачать его умными вопросами? Тоже ведь талант – задавать вопросы. Правда, бывает, что на вопрос дурака и сто умных ответить не могут.

19 АВГУСТА

Слава Богу, наладили телепередачи. И надо же: прямо с утра останкинское жулье устроило судилище – визгливое и голословное – над Сталиным и вообще всеми русскими! Так они отмечают годовщину янаевского “путча”. Сталин, оказывается, “государственный антисемит”, а мы, русские (особенно “совки”), – прирожденные юдофобы, воспитанные в духе ненависти к иноплеменникам вообще. Знакомая песня: “Россия – тюрьма народов”.

С ума сойти: целых 40 газет названы антисемитскими! В лидерах, конечно же, прохановский “День”. Зацепили и Пономарева, прокурора Москвы, “за недостаточную решительность в пресечении антисемитизма”. Наверняка вспомнили ему и прошлогоднее заступничество за русских писателей во время “музыкантской” атаки¹ неких “национальных гвардейцев” на дом Союза писателей России. Наверняка!

Снова и снова – Михоэлс, АЕК и его жертвы (неважно, что с той поры 44 года прошло). Раздувают старые угли, сеют ветер злобы и раздора. Что пожнут? И еще важная деталь: защищают, обеляют “черных” и чернят русских. В общем, по схеме Вольтера: если бы антисемитизма не было, его следовало бы выдумать.

...Тонким, бледным “шариком” ценой 7 рублей (другого не нашлось) пытаюсь поймать отметины времени, события, которые уже завтра станут историей. Хотя бы набросками, эскизно. Своего рода записки “человека со стороны”. Ведь в этой командировке не по своей воле я обречен ни во что не вмешиваться и ничего не делать – даже если бы очень сильно захотел. Бог даст, потом всё, что схвачено сейчас мыслью и сердцем, будет преобразовано в нечто более интересное и весомое².

О, эти мучительные попытки передать ощущение “ничейной полосы”, в которой я оказался! Справа – Гагра (там, говорят, уже есть убитые), слева – пылающий Сухум, уличные бои, большая кровь... Сводки боевых действий; морские сторожевики на горизонте; кружение боевых вертолетов. Вся атмосфера насыщена тревогой войны, жадной надеждой: а вдруг завтра всё кончится?

Кассы, ж. д. и авиа, закрыты. Что будете делать, тов. эвакуант? А впереди еще, не исключено, придется испытать прелести шмона под дулами повстанческих (“сепаратистских”) “калашей”. Будет тебе песня про купца Калашникова...

Ручку – в сторону! Море зовет! Как говаривал великий бабник Эдик Ляпишев, “море – это хорошо. Море – это жизнь; стаканчик вина, кусочек женщины... хорошо схвачено!”

19-е, ВЕЧЕР

Сухумские новости. Спешу записать.

В. Ардзинба: “Нас хотят поработить. Но Россия нас не оставит... Дудаев прислал вертолеты... Абхазию не сломить никому!”

Ю. Воронов, депутат Верховного Совета Абхазии: “Важно прорвать информационную блокаду, оставить потомкам правду о врагах Абхазии и ее на-

¹ Музыкантский в 1991 году – префект ЦАО г. Москвы.

² Увы, увы... Эскизы так и остались эскизами.

рода. Создается большая ложь о маленькой свободолюбивой республике: “сепаратисты, бандиты, экстремисты”. Ложь, наглая ложь! Против грузинских оккупантов встают на бой не только абхазы, но все жители Абхазии – греки, грузины, адыгейцы... Победа будет за нами!”

В. Логинов (депутат ВС Абхазии): “Русская школа № 14 в Сухуми разрушена. Русских берут заложниками... Главное – блицкриг им не удался. Бандиты разбегаются, но опасность остается”.

Переключаю ТВ на Москву. Подготовка к выборам “Мисс Россия”. Я называю это действие “Бюст-92”. Двух “телок” по 15 лет (!) привели мамы, еще двоих – папы. “Россия, ты одурела!” – как вопил Карякин, правда, совсем по другому поводу. Неужели Россия окончательно примет такой строй, где будут в наивысшей цене не умные головы, а пышные бюсты? Но тогда это будет уже не Россия, а Rußland... Просто – Раша...

Только что сообщили: грузины нанесли мощный ракетный удар по Гудауте. Неужели Пицунда на очереди? Свят, свят, свят... Ближе к ночи разразилась южная гроза. Грохот грома, ослепительные стрелы молний.

20 АВГУСТА

Вчера сообщили, что на трассе в направлении Адлера взяты 60 абхазских заложников. А чего китованцам стóит и русских захватить? Стоп, Гена, стоп, ты не смельчак, но не надо нагнетать – и так тошно...

Неожиданная маленькая удача последнего дня – знакомство на пляже с Колей Плецко из иностранной комиссии бывшего СП СССР. Впечатлило его сообщение об коммерческом издании 82 (!) томов сочинений Жоржа Сименона. Очень может этот человек пригодиться – либо в ПАО¹, либо на каком-нибудь другом участке. У мужика есть хватка, связи – и “рыночные” подходы.

20-е, ВЕЧЕР

Вечер. Круглый оранжевый диск солнца скоро, совсем скоро нехотя, с неслышным шипением погаснет в морской пучине. Тишина. Я один на берегу, в грусти и тревоге. “Проклятая неопределенность”, как сказано в моем любимом анекдоте.

Завтра утром – “дранг” на Москву. Билет в автобус до Сочи куплен. Домой, домой, как всё вдруг невыносимо надоело – сил нет!

Светило погасло, “на море синее вечерний пал туман...” О Александр Сергеевич, как бы мы без Вас жили?

В сгустившейся мгле зияет своими пустыми глазницами искореженный жуткий скелет заброшенной грузинской стройки, жертвы перестройки.

*Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит...*

* * *

Утром 21 августа автобус – скрипучий, как несмазанная дверь – повез меня прочь из Пицунды в Россию. Не доезжая Гагры, он был остановлен пикетом абхазских ополченцев. Шмон. Показываю старшему бородачу удостоверение. Взгляд бойца с “калашом” на плече чуточку теплеет. Меня не обыскивают, только спросили, какие у меня вещи. Ну, ребята... Проверка закончена, двери со свистом закрываются. Всё, война позади! А вот и село Леселидзе; за мостом через речку – Адлер, южные ворота моей страны. Здравствуй, Родина!

Выгрузились на широкой площади возле аэропорта. Да это уже и не площадь, а огромный цыганский табор! Шум, гам, детский плач – сотни людей стремятся поскорее улететь, поскорее выбраться из “горячей точки”, да, видно, не удастся. Сразу толкнулся к кассам: народу – страсть! А вот и объявление по радио – как серпом по ногам: билетов на московские рейсы нет на ближайшие три дня...

Да-а... Ну и как быть? Денег в кармане – только на билет до Москвы. За три дня можно с голоду подохнуть. Рвануть на Краснодар? Там друг Воло-

¹ Писательское акционерное общество – наша с Бондаревым беспомощная выдумка способов спасения остатков писательской собственности.

дя Колесник, там Валя Есипенко – помогут! Но в Москве Галя и Оля наверняка с ума сойдут – столько дней никаких весточек от мужа и отца...

И вдруг озарило: а не попробовать ли проникнуть в депутатскую комнату и через нее достать билет?

Четыре года тому назад, возвращаясь из санатория “Россия”, мы с Галей в этой самой депутатской досматривали по телевизору последние минуты победного матча советской сборной по футболу на Олимпиаде. “Хозяйку” комнаты звали... точно, Нина Васильевна!

Для меня с этого мига началась полоса везения. “Здравствуйте! Я был Вашим гостем осенью 1988 года. Возможно, и Вы меня вспомните: помощник председателя Совета Министров Воротникова”.

Уверен, что она меня не узнала, но “остаточное почтение” к моей бывшей должности все-таки сработало. Без лживых улыбок, вполне деловито она посоветовала мне пробиться к зам. начальника аэропорта. “Знаете, он очень любит литературу, значит, и писателей. Купите билет, а я уж как-нибудь впихну вас в ИЛ-86”.

Рассыпаясь заранее в благодарностях, я двинул в администрацию вокзала. Господи, и здесь толпа народу! Наверное, впервые в жизни, позабыв о своей врожденной стеснительности, озабоченно прошагал сразу к кабинету. С порога представился: 1-й секретарь Союза писателей России.

Нина Васильевна была права: худощавый быстроглазый армянин расплылся в улыбке, усадил меня и спросил: “Чем могу?...” Выслушал, написал записку, назвал номер кассы, куда мне надо будет обратиться.

– Идите прямо сейчас, не задерживайтесь! Касса будет закрыта. Постучите два раза длинным стуком и три раза – коротким. Но учтите: билет будет без места! Остальное – как Вам повезет. – Он встал из-за стола, печально улыбнулся, сказал:

– Как жаль, что мы не можем поговорить! Передайте мой привет Юрию Васильевичу. Храню как реликвию его “Горячий снег” с автографом.

Я раскланялся и вылетел на улицу из раскаленной авиаконторы. До отправления ближайшего ИЛа было целых три часа. Как же я зауважал себя этим днем!

Потом Нина Васильевна провела меня без всякой очереди как VIP-персону прямо к трапу, что-то шепнула бортпроводнице – и я уже в пузатом аэробусе. Как и предполагал, в огромном, вроде бы до отказа набитом людьми лайнере местечко для Гусева нашлось. Рев моторов, разбег – и вот уже промелькнул за бортом “цыганский табор”, полный людского горя, слез, криков досады, плачущих матерей с плачущими малышами и подданных отупевших мужиков. “Я узнаю тебя, Россия”, – как сказал вернувшийся из эмиграции Вертинский, когда у него “увели” чемоданы в новороссийском порту. “Не узнаю и вряд ли вновь узнаю...” – что-то похожее, отчаянное, горькое, безысходное шевельнулось в моей груди.

Во Внукове меня встречали Галя и Николай Ткач. Торопливо, перебивая друг друга, сообщали, как ежеутренне звонили нашему кубанскому другу Виталию Сыроватко (тогда – секретарь Президиума Верховного Совета РФ), нет ли Гусева, застрявшего в Абхазии, в “смертных списках” россиян. К счастью, не оказалось.

“Есть предложение подвести черту”, – говорю я сам себе. Мой темно-коричневый блокнот, дневник “кавказского пленника”, исписан досуха. Остается, пожалуй, вспомнить только, как мой патрон Ю. В. Бондарев, не скрывая раздражения, сказал по телефону моей жене, крайне обеспокоенной внезапной “пропажей” благоверного:

– Бросьте, Галина Михайловна, волноваться! Я завидую вашему мужу: он сейчас **пузико** греет на солнце, а мы здесь уже в плащах ходим по лужам... Успокоил. Заодно и обидел.